

УДК 101.1:316

А.В. Ставицкий, канд. филос. наук*Севастопольский филиал Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов**ул. Н. Музыки 78-а, г. Севастополь, Украина, 99029**E-mail: stavis@rambler.ru***МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ**

Показывается роль, которую играет современный миф в процессе человеческого познания, и рассматриваются особенности мифологического восприятия окружающего мира.

Ключевые слова: *современный миф, функции мифа, мифологизация.*

На сегодня до сих пор принято считать, что миф не способен отражать реальность, и оценивать его в целом отрицательно. Сторонники этой позиции видят в мифе фантом, рожденный наивностью массового сознания или сознательным умыслом властолюбцев, отвлекающий людей от подлинной истории и действительной реальности [1, с. 11-12, 17]. Так, по мнению А. Топоркова, "политическая мифология не отражает реальность и не стремится ее объяснить; она призвана управлять коллективным сознанием и поведением человеческих масс" [1, с. 47].

Но на наш взгляд в данном случае ситуация не столь безальтернативна, так как и то, и другое для мифа функционально возможно и, более того, естественно. Миф отражает реальность, но по-своему. В собственных ему формах. Удовлетворяя желание человека отражаться в разных "зеркалах" – культуре, истории, политике, искусстве, литературе – он выступает как структурно организованная система образов, отражающая мир в присущих ему формах, где само отражение – способ формирования самосознания в языковом и культурном отношении.

И тогда миф выступает как отражение мотивов и желаний, глубинных переживаний, образной символики реальности, психического единства всего материального, становясь отражением (отображением) действительности, но не хаотичным, "безумным", а направленным, чувственным, заинтересованным. Отражением-памятью, связывающим нас с прошлым, когда мир одухотворяется нашим заинтересованным восприятием, показывающим, что наши отражения нас же и отражают.

Кроме того, миф не просто отражает данную нам в чувствах и ощущениях реальность. Отражая, он концентрирует и использует энергию чувственного восприятия, делая мир человекомерным. Используя это, миф согласуется не столько с реальностью, сколько с той знаковой системой, в рамках которой он функционирует. Приходя к человеку через мир чувств, где все реально для людей настолько, насколько они сами это чувствуют и в это верят, он обеспечивает ассоциативно бессознательное общение с миром, определяя его антропологическую значимость.

Так, отражая, миф определяет поиск истины как глубокую, обостренную потребность человека, где истина воспринимается как Ответ, как смысл человеческого бытия, описать который количественно невозможно, ведь описать количественно, не значит понять сущностное – то есть те параметрические сущности явлений, которые ускользают, когда мы начинаем мерить и считать [2].

Благодаря различным способам прочтения образа, миф обеспечивает вариативность прочтения, которое зависит от различного опыта (различных типов знания), проецируемого на миф (символически значимый образ), наделяя его определенным, ожидаемым смыслом. Этим он отличается от науки, которая призвана вносить в мир не какой-то определенный смысл, а "осмысленность". Она не чтит истины прошлого или иного. Ее интересует интеллектуальное пространство своего настоящего. Но у мифа иное предназначение. В мифе знания – не результат, а процесс; способ вопрошания, обеспечивающий обратную связь мифа и отражаемых им явлений. В результате специфика мифического отражения вынуждает объект подстраиваться под желания (требования) масс, где правдоподобность отражения заложена не только, и даже не столько, в правдивости образа, сколько в желании видеть мир именно таким. Наука осуждает это, и по-своему права, но ей самой "не хватает тонкости" [3, с. 513], чтобы постичь и отразить мир во всем его изменчивом многообразии. И пока реальность в "тьме неназванного" (Р. Барт), она живет, "дышит", чувствует, но вытесненная наукой на свет, обретает лишь названный, "мертвый" смысл. Отраженный наукой, смысл, "затвердевая", мертвеет. Но с мифом все происходит иначе. Он безразличен к правилам и обычаям научного знания, работая в пустотах, возникающих в "теле" науки; "запечатлевает" реальность посредством языка (так как связан с реальностью через коннотацию); "будоражит" реальность, "рыхля" и "засевая" ее семенами тех образов, которые потом снова прорастают в языке.

Так язык превращает предмет в образ – нечто, обладающее конкретными свойствами, и вместе с тем, воплощающее в себе целый мир и соединенное с миром; образ, ведущий с человеком безмолвный, но важный для него диалог, где миф предстает как жизнь, отраженная в себе самой.

Именно поэтому можно сказать, что все в мире, в конечном счете, вопрос интерпретации, и миф заполняет своей интерпретацией тот вакуум, который образуется в системной картине мира [4]. "Одна и

та же вещь, одна и та же личность может быть ... *представлена и изображена бесконечно разнообразными формами*, смотря по тому, в каком плане пространственно-временного бытия мы ее мыслим", писал по этому поводу А.Ф. Лосев [5, с.87]. Разное отношение к одним вещам может приводить к различным интерпретациям социальных и политических явлений, а значит, к формированию противоположных мифов (т.н. антимифов). Например: бедные – жертвы системы или паразиты, не желающие работать и стремящиеся жить за чужой счет? Или: богачи и предприниматели – эксплуататоры или движущая сила общества? И в зависимости от принятого в обществе или в конкретной социальной среде мифа отношение людей к бедным и богатым будет разным.

Проблема интерпретации действительности снова ставит вопрос о роли языка и соотношении языка и реальности. Язык связывает политику с реальностью, и его особая роль при интерпретации создаваемого мифом "образа" очень важна, так как интерпретации требуют "деформированного" воздействия языка. И в этом случае язык выступает как интерпретатор знаковых систем, как сложная смысловая структура, цель которой "нейтрализовать различие между истиной и ложью" [3, с.136]. Действительно, слова могут отражать действительность, упрощать ее, драматизировать или романтизировать, исказить или вообще не иметь с ней ничего общего. При этом "язык сам по себе не бывает истинным или ложным, он может только... образовывать связную знаковую систему" [3, с.272], где знаки – не есть доказательства, ибо изначально двусмысленны. Правда, их двусмысленность скорее не хаотична, а направлена, так как нацелена на решение проблемы интерпретации Текста в соответствии с сегодняшним днем (современный контекст). Ведь общество стремится преодолеть смысловую неопределенность иконических знаков. Но, несмотря на это, наши знания все равно постоянно вязнут в интерпретациях, поскольку любое изображение – знаковая система, создаваемая на базе разных пластов наших представлений.

Впрочем, при рассмотрении этой функции мифа мы сталкиваемся с еще одной важной проблемой. И связана она с тем, что наши взгляды – по сути, интерпретации, основанные на предварительном выборе определенной социопсихологической модели. Той модели, которая связана с традицией и соответствующим ей воспитанием, когда "ставится" не только мысль, но и восприятие [6]. Когда представления о вещи (явлении) создают у нас с помощью того образа, что нам уже внушен, в нас воспитан, поскольку "все указанные "очевидности" на деле суть лишь продукты определенного выбора" [3, с.327]. Так общество пытается взять под контроль изменчивые состояния мысли, поскольку всеми признаваемое дает им ощущение безопасности. Примером тому является любая система социальных ценностей, культивируемая в том или ином обществе (стране), когда что-либо иное, воспринимается, как абсолютно чужое, враждебное, противоречащее здравому смыслу.

Ясно, что в данном случае имеются в виду представления о правдоподобном, сложившиеся в сознании людей благодаря традиции и авторитету. Когда правдоподобие предстает как общепринятое; не противоречащее тому, что, по мнению общества, возможно, даже если это и не так. Правдоподобие, делающее ставку на очевидные вещи, на само собой разумеющееся. Но попытки ускользнуть от абсурда путем банальности от ошибки не гарантируют. А их мы наблюдаем везде, даже в науке.

И, чтобы ошибок было меньше, стоит учесть следующее:

- неправдоподобное может быть результатом не только восприятия, но и определенного запрета, когда бесконечное смысловое движение периодически приостанавливается в пользу одного из смыслов (вариантов интерпретаций);

- дешифровка и интерпретация мифа изначально вариативна, так как миф (знак) по сути своей многосмыслен: для каждого смысла он определяет свой ритм и глубину означивания, одновременно открываясь нескольким значениям;

- неизбежность интерпретации обусловлена и психологическими причинами, так как, согласно меткому наблюдению К. Юнга, "каждый из нас индивидуально воспринимает абстрактные понятия, и, соответственно каждый по-своему интерпретирует и применяет их... Любое слово имеет чуточку отличающееся значение у разных людей, даже если они одного культурного уровня... Отличия в трактовке, разумеется, возрастают, когда социальный, политический, религиозный и психологический опыт собеседников значительно разнится" [7, с.36]. В результате жаждущие правды "питаются" не фактами, а созданными в их головах образами фактов (фактами сознания), уже встроенными в определенную систему восприятия; такими "образами правды", которые тут же делают правду двусмысленной;

- объективность анализа отраженного мифом зависит не от избрания определенного кода, а от метода, с помощью которого он будет использоваться (избранная модель), так как код – "плавающий". Он сам варьируется, трактуется в зависимости от "воли" воспринимающего.

В подтверждение этого К.Г. Юнг писал: "До тех пор, пока понятия исчерпываются своим названием, вариации в его понимании почти не ощутимы и не имеют практического значения. Однако, как только оно требует точного определения или тщательного объяснения, то появляются самые невероятные трактовки, и не только в чисто интеллектуальном понимании термина, но особенно в его

эмоциональной окраске и способе применения. Как правило, эти различия являются неосознаваемыми и таковыми остаются" [7, с. 36-39].

Конечно, эти различия можно отбросить и проигнорировать, и, как правило, так и делается, но сам факт их существования говорит о субъективности и приблизительности отражения реальности сознанием, которые мы игнорировать не можем.

Происходит это потому, что мир многолик, многоцветен, и каждый его цвет в рамках общего "играющего" соцветья может стать для восприятия приманкой и своеобразной "ловушкой". Бесконечность интерпретаций чувственного восприятия неизбежна уже в силу того, что каждая окружающая нас вещь, каждое чувственно воспринимаемое явление постоянно в наших глазах возникает, самоутверждается и самопреобразуется.

Свобода становления вещи определяет свободу ее символических интерпретаций. Причем изменения делают эти вещи отличными не только от других, но и от самих себя. И потому человек живет среди знаков и знает, что они так или иначе касаются лично его, но он в них не уверен. "Раздвоение" знака пугает и настораживает его, вызывая не столько доверие, сколько сомнение и подозрение. И поскольку знаки всегда двусмысленны, их дешифровка – всегда выбор между несколькими означаемыми знака. К тому же одни и те же знаки применяются к разным реальностям, принося некое иное значение в зависимости от традиционного отношения к ним. Человек, как правило, не может в этом разобраться, и потому выбор означает принятие той или иной ментальной системы во всей ее полноте. А мифы ему в этом "помогают". Они обеспечивают символическую наполненность любой получаемой информации, подтверждая, что любая интерпретация – всегда символ; она символична и несет символическую нагрузку. Она – интерпретативный символ, то есть, то, где "совпадает самость вещи с той или иной ее интерпретацией" [5, с. 473], меняющейся в зависимости от качества ее понимания. И поскольку не бывает такого состояния фактов, которые нельзя было бы непротиворечиво дополнить новым смыслом, помогая разуму подняться к более объемной точке зрения, информация о любой вещи, представленная как новость, возникает каждый мельчайший момент времени [5, с. 463], изменяя и вещь, и наше представление о ней.

В качестве подтверждения этих слов можно напомнить об отношении к террору во времена Французской революции или гражданской войны в России, когда он воспринимался как нечто спасительное, очищающее, справедливое; как освященное революцией жертвоприношение во славу будущего мира и страны. Для тех, кто начал революцию, террор был святой мстью за вековые притеснения, временем революционного Страшного Суда, когда эксплуататоры наконец-то должны ответить за все; единственным способом выпустить из умирающего мира дурную кровь. И это не было страстью жаждущего крови маньяка. На массовые убийства собственных сограждан их толкала великая мечта, ведь путь к счастью должен быть залит кровью врагов ("і вражою злою кров'ю волю окропіте"). Они были свято уверены, что делают эту грязную, но необходимую работу ради мира и справедливости, ради будущего своих детей и близких ("вот уничтожим всякую нечисть, и тогда заживем"). И революция их очистит. Но жизнь оказалась сложнее.

Следует заметить, что склонность к интерпретации реальности не является чем-то присущим исключительно мифу, но вообще отличает культуру в целом и науку в частности. И поэтому мысль, что, скажем, реалистическое искусство обладает более полной и бесспорной истиной, чем другие "интерпретативные" искусства, можно считать обычным "недоразумением".

Что касается науки, то ее интерпретативность вытекает из невозможности обладать всей полнотой знаний о постоянно меняющемся мире. И поэтому наука в принципе старается не отказываться от тех или иных гипотез, пока они способны что-то в науке объяснить. Особенно это касается наук, "именуемых гуманитарными", чья "недолговечность и хрупкость", по словам Р. Барта, возможно, проистекает из того, что "это – науки о *непредвиденном*...", в результате чего немедленно видоизменяется сама идея науки: даже психоанализу, этой науке о вожделинии – хотя мы обязаны ей не меньше, чем Теологии, – суждено в один прекрасный день скончаться, ибо вожделиние сильнее, чем любая его интерпретация" [3, с. 558]. Впрочем, и это высказывание можно считать очередной интерпретацией, которая на деле свидетельствует не о слабости науки или мифа, но об их силе, ибо она для них есть способ утверждать себя в разных формах как меняющуюся реальность.

В этом смысле мы свободны в отношении трактовки мифа, но и миф свободен относительно нас. Он может подчеркнуть или перечеркнуть суть явления, искажая его через символизацию и лишняя раз доказывая, что миф всегда честен и всегда лжив. Все зависит от интерпретации, которая обнаруживает "тень" мифа. Точнее, игру его светотени (наших представлений о нем), когда на свету в каждый данный момент может оказаться то, что ранее пребывало в тени (мифа, знака), но теперь в силу определенного социального спроса вырвано из нее. Именно это качество мифа, которое нередко сейчас критикуется, давало основание древним утверждать, что мифы открывают истину достойнейшим и скрывают ее от непосвященных, что они открываются (открывают свою скрытую сущность) тем, кто готов и настолько, насколько готов.

Особую роль в процессе отражения играет способность мифа к трансформации восприятия. Она исходит из того, что миф – следствие неизбежного при чувственном восприятии искажения. В основе его две основные причины: субъективность человеческого восприятия и знаковое многообразие мира. Говоря об этом, Р. Барт подчеркивал, что "любое изображение полисемично; под слоем его означающих залегают "плавающие цепочки" означаемых; читатель может сконцентрироваться на одних из них и не обратить внимания на другие" [3, с. 304].

Впрочем, деформация восприятия может быть естественной (подсознательной) и намеренной, сознательной, когда определенные, известные, но невыгодные для источника информации факты просто умалчиваются, либо получают иную интерпретацию. И тогда, например, факт, что комиссия ООН не обнаружила в Ираке оружия массового поражения, можно трактовать как положительно (в Ираке нет оружия массового поражения), так и отрицательно (Ирак так хорошо спрятал это оружие, что комиссия не может его найти). В зависимости от трактовки выводы могут быть в корне противоположными: либо, что Ирак не угрожает миру и готов к сотрудничеству, либо не хочет ни сотрудничать, ни разоружаться и готовится к беспощадной войне.

Поскольку искажение связано с сокрытием тех или иных качеств вещей и явлений, это дало основание Р. Барту в свое время заявить, что миф ведет к утрате, отрицанию, разрушению смысла. Но миф не только скрывает и деформирует, но и вскрывает, открывает, познает. И потеря какого-то определенного смысла не означает утрату его в принципе. Любое восприятие так или иначе подчинено поиску смысла, но каким он будет, зависит уже от чувств, настроений и мотиваций воспринимающего, от господствующей традиции и подсознательных влечений.

Процесс познания, таким образом, никогда не лишен смысла. Но он включает в себя вольное или невольное преувеличение, которое ведет к трансформации реальности в той степени, в какой мы знаем ее или желаем знать. Так, абсолютно нейтральные относительно нас вещи, оказавшись в зоне влияния наших чувств и настроений, обретают те качества, которые максимально этим чувствам соответствуют. И тогда одно и то же явление или наполненное вещами и освоенное людьми пространство будет восприниматься по-разному, осуществляя естественный переход от искривления восприятия к искажению сознания и обеспечивая мифологическое преломление реальности.

Эти наблюдения подводят нас к выводу, что хотим мы того или нет, но мир всегда воспринимается с определенным искажением, когда в интересах понимания преувеличивается одно и преуменьшается другое. Именно поэтому, по мнению К.Г. Юнга, "преувеличения являются в действительности универсальной человеческой особенностью, хотя каждый заботливо стремится объяснить свои реакции, исходя из рациональных побуждений" [7, с. 384]. Иными словами, рационализация не гарантирует от искажений восприятия.

Одна из причин особого драматизма истории человечества в том, что люди видят мир так, как им удобно и выгодно. При этом он для них таков, каким они его воспринимают, и никак не иначе. Когда они хотят видеть плохое, то видят плохое, так как уже настроены на него и, значит, готовы к нему подсознательно. Когда хотят видеть хорошее, то, как правило, видят хорошее, что дает основание считать, что мы слишком многого хотим, чтобы видеть мир таким, каков он есть на самом деле. И не потому, что стремимся плодить иллюзии, но потому, что такое восприятие дает нам дополнительный психологический комфорт, которого нам обычно не достает. Вот почему все искажения восприятия практически всегда происходят с выгодой для себя.

Для придания общей картине необходимой смысловой завершенности человек использует возможности воображения. С его помощью он домысливает отраженную действительность в тех формах и пределах, которые его устраивают, и на тот период, пока она его устраивает. Причем, это касается не только мифов, мифотворчества, но и науки, которую, особенно там, где ее исследования граничат с неведомым, вслед за Р. Бартом можно охарактеризовать "как деятельность воображения" [3, с. 488]). Того воображения, которое, формирует образы реальности посредством ее деформации [8, с. 163-297].

Впрочем, многое здесь зависит не только от желаний и мотиваций, но и от социальных установок. И потому особую роль в процессе деформации восприятия играет влияние социума (социальной среды) и господствующей в нем традиции, которые определяют зависимость нашего мышления от предыдущего опыта и уже наработанных стереотипов, поскольку мы не можем интерпретировать действительность без отсылок на уже существующий стандарт; обеспечивают целенаправленность давления на общественное сознание (диктуют, формируют, наполняют, навязывают, утверждают, вытесняют другое), способствуя утверждению тех или иных искажений в обществе, науке, культуре.

Так в мифах происходит искривление пространства и времени. В них мир реальный, представ для нас как "плодотворная двусмысленность" [3, с. 252], трансформируется в мир символический, что ведет к его резким искажениям. Но эти искажения не только неизбежны, но и позволяют увидеть проявления вещей в их символических связях со всем миром. Они плодотворны и именно в силу этих искажений могут передать некий "образ" иной правды – правды смысла, чувств, желаний, цели; того, что для людей представляет несомненную ценность; образ правды как главной истины или высшей справедливости.

Примером тому могут служить лучшие творения мирового искусства (художественной культуры): большая неправда, помогающая понять или создать правду жизни, где главное – не правда факта, а правда мыслей и чувств.

Одной из особенностей социальных и политических мифов является то, что "большая часть общества воспринимает их не как вымысел, а как естественное положение вещей" [9, с. 330]. Создать убедительную, желаемую или ожидаемую иллюзию – вот одна из главнейших функций мифа, и он с ней всегда успешно справлялся, позволяя не только искривлять, но и подменять реальность или уходить от нее. Трансформируя мир в его образ, он осуществляет мистификацию действительности в той мере, в какой мы к ней готовы и, таким образом, преобразует диалектическое развитие реальности в вечно повторяющийся естественный круговорот. Не случайно Р.Барт суть мифа видит в том, что он превращает историю в природу [3, с. 111], где признание естественности того или иного представления о вещи или явлении – главное основание мифа. И тогда миф воспринимается не как внутренне мотивированное побуждение, не как желание, но как объективная данность. Примером тому может служить известный случай, когда в конце 70-х годов в США был проведен опрос: так кто же все-таки сбросил атомную бомбу на Хиросиму? И большинство американцев уверенно ответили, что это сделал Советский Союз. Они не знали, кто сбросил бомбу, ведь в Америке об этом в учебниках стараются не писать. Но зато они знали, что США всегда выступали за демократию, гуманизм и мир во всем мире, а вот СССР – человеконенавистническая страна, и сбросить столь разрушительную бомбу на мирное население Советам раз плюнуть. Так, что-то утверждая, а что-то замалчивая, можно творить для людей такую реальность, которая к настоящей действительности никакого отношения уже не имеет.

Впрочем, чтобы понять роль и значение этого свойства мифа, надо сначала разобраться в том, как вообще можно рассматривать уход от реальности и какие аргументы приводят сторонники данной точки зрения в ее пользу. Самый простой и категоричный из них строится на утверждении, что миф – просто вымысел, но именно в силу его крайней категоричности нет смысла его обсуждать. Остальные аргументы сводятся к следующему:

- миф – обманчив, хотя, в основе его и лежат некие реальные события и явления;
- утверждение мифа приводит к поглощению (захвату) реальности ее образом, в результате чего образ оказывается на месте предмета, замещая его;
- искаженная, трансформированная реальность, став основой для мировоззрения, порождает уводящий от реальности социальный иллюзионизм, и как частную разновидность его – социальный и национальный нарциссизм.

Безусловно, в этих доводах есть определенная логика. Впрочем, также имеет место и некоторое упрощение, за которым скрывается другой уход – уход от реальности, именуемой мифом. И чтобы не допустить этого уточним, что уход от реальности можно представить:

- как способ понять нечто большее, чем то, что мы под обычной реальностью понимаем. В подтверждение этого приведем хотя бы мнение Р.Барта, считавшего, что "имеет смысл говорить о двух реализмах: первый расшифровывает "реальное" (то, что заявляет о себе, но себя не являет); второй говорит о "реальности" (о том, кто являет себя, но о себе не заявляет)" [3, с. 499]. И если "реальное" по Р.Барту постигается умом, то с "реальностью" все гораздо сложнее. Для ее понимания одной логики мало, ибо в ней речь идет об иррациональной реальности, настолько иррациональной, насколько и непостижимой (она противостоит реальному, построенному по принципу общего правдоподобия);

- как перемену смысла, как уход от определенной, общепринятой реальности, которая для "уходящего" уже не столь очевидна; как попытку преодолеть утвердившуюся косность и способ раздвинуть установленные пределы. Согласно этой позиции каждому смыслу, каждой значимости всегда противостоит иной смысл и иная значимость, обратная предыдущей. В этой игре, в этом противостоянии смыслов время от времени меняются акцент и приоритеты. И тогда тот, кто говорит от имени господствующего в обществе акцента, может обвинять в уходе от реальности остальных (например: споры коммунистов и демократов);

- как замену обыденного на чудесное и магическое (поиск его в обыденном). А каким будет это чудесное: радостью от встречи с природой, грезами, порожденными обыденностью, магией творчества или откровением бога, зависит от самих людей.

Таким образом, можно констатировать, что любая воспринятая человеком реальность уже искажена в силу его психологических особенностей. Она и реальна (сознание манипулирует конкретными вещами и явлениями), и ирреальна (сознание наделяет вещи и явления особенностями, которые реально им не свойственны, но психически человеку необходимы), и мета-реальна (сознание надстраивает над вещами и явлениями иную реальность – символическую, знаковую, магическую).

Стоит отметить, что уход от реальности вытекает из общего эффекта мифа, когда энергия заблуждения рождает объект своего поиска, превращающего заблуждение в истину (иллюзия истины), которой человек живет, пока она себя оправдывает и не исчерпает. Следовательно, не миф заслоняет от нас реальность, а мы заслоняемся мифом от нее в тех случаях, когда изменить ее не в силах.

Впрочем, психологическая оправданность ухода от реальности в тех случаях, когда изменить ее люди не в силах, вполне понятна. Не случайно умение принять то, что изменить не можешь, считается в традиционных обществах признаком мудрости. При этом полностью от реальности уйти нельзя, ибо она уже заложена в нас, являясь к нам нами и через нас. Она являет себя каждое мгновение, в любых формах, какие мы способны воспринимать. Она "убаюкивает", "навязывает", "обволакивает", "шепчет" или "кричит". И мы можем не отдавать себе отчет в ее безоговорочном влиянии, но и существовать, мыслить, творить, действовать без нее не можем. Следовательно, уход от реальности в принципе не возможен; можно лишь уйти от одной ее формы к другой, но не более.

Действительно, миф обманчив, ибо обманчиво само наше восприятие, обманчив язык, задача которого отразить с максимальной полнотой воспринятое. Но "слово... не способно объяснить мир, а если оно как будто и объясняет его, то лишь затем, чтобы позднее мир вновь предстал неоднозначным" [3, с. 135]. Вот почему любой "текст", сколь угодно реалистический, развивается "на нереалистических путях" [3, с. 400], а связанный с реальностью, миф всегда нереалистичен. Он – то, что никогда не существовало, но пребывает с нами всегда, и именно это позволяет ему ставить перед человеком, обществом, человечеством важнейшие вопросы бытия.

Так, миф в своей обманчивости соединяется с нами и миром, выявляя в явленных через культуру великих иллюзиях настоящую правду жизни, как истину человеческого бытия.

Библиографический список использованной литературы

1. Аймермахер К. Мифы и мифология в современной России / Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. — М.: АИРО-XX, 2000. — С. 39–66.
2. Тростников В.Н. Научна ли научная картина мира? / В.Н. Тростников // Новый мир. — 1989. — № 12. — С. 257–263.
3. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. — М.: Изд. группа "Прогресс", "Универс", 1994. — 616 с.
4. Соловьева Е.А. Мифологическое сознание как тип интерпретации действительности / Е.А. Соловьева // "Новые" и "вечные" проблемы философии. — Новосибирск, 1998. — С. 42–50.
5. Лосев А.Ф. Самое само: Сочинения / А.Ф. Лосев. — М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. — 1024 с.
6. Узнадзе Д.Н. Теория установки / Д.Н. Узнадзе. — М.: Ин-т практической психологии. Воронеж, Модэн, 1997. — 448 с.
7. Человек и его символы / К.Г. Юнг, М.-Л. фон Франц, Дж. Л. Хендерсон, И. Якоби, А. Яффе; под общей редакцией С.Н. Сиренко. — М.: Серебряные нити, 1998. — 368 с.
8. Комаров В.Н. Тайны пространства и времени / В.Н. Комаров. — М.: Вече, 2000. — 480 с.
9. Крысько В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт) / В.Г. Крысько. — Мн.: Харвест, 1999. — 448 с.

Поступила в редакцию 3.12.2010 г.

Ставицкий А.В. Міфологічне відзеркалення реальності: основні підходи

Показано роль, яку відіграє сучасний міф в процесі людського пізнання, і розглянуті особливості міфологічного сприйняття навколишнього світу.

Ключові слова: сучасний міф, функції міфу, міфологізація.

Stavitskiy A.V. Mythological reflection of reality: basic approaches

The paper demonstrates the important role played by the modern myth in the process of human cognition, and discusses the features of the mythological perception of the world.

Keywords: modern myth, functions of myth, mythologization.